

А. К. Жолковский

Чехов, Горький и «Мы».
Из опыта преподавания русской прозы

estratto da:

Università degli Studi di Napoli "L'Orientale"
Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale

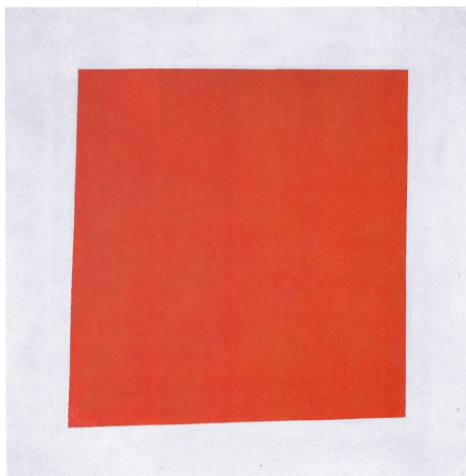
forma formans

Studi in onore di **Boris Uspenskij**

a cura di

SERGIO BERTOLISSI e ROBERTA SALVATORE

II

M. D'AURIA EDITORE

Università degli Studi di Napoli "L'Orientale"
Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale

forma formans

Studi in onore di Boris Uspenskij

a cura di

SERGIO BERTOLISSI e ROBERTA SALVATORE

II

M. D'AURIA EDITORE

Volume pubblicato con il contributo del Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale e del Fondo di ricerca di Ateneo 2009 dell'Università degli Studi di Napoli "L'Orientale".

ISBN: 978-88-7092-303-2

© 2010 M. D'AURIA EDITORE
Calata Trinità Maggiore 52-53
80134 Napoli
tel 081.5518963 fax 081.19577695
www.dauria.it
info@dauria.it

А. К. Жолковский

Чехов, Горький и «Мы».

Из опыта преподавания русской прозы

Формулируя свою поэзию грамматики, с ее акцентом на роли в поэтическом тексте языковых категорий, особое внимание Jakobson [1983] уделил местоимениям. В пушкинском «Я вас любил...» для него прежде всего важен местоименный костяк: *Я вас – в душе моей – она вас – Я вас – ничем – Я вас – Я вас – вам – другим*. Это естественно. Местоимения, особенно личные, находятся в точке пересечения внешнего, объективного сюжета с внутренним, субъективным – собственно лирическим. Да и вне поэзии эти так называемые шифтеры относятся к экзистенциально наиболее существенной части словарного фонда, отражая/определяя взаимоотношения носителя языка с окружающим миром. Jakobson вторит тут вниманию позднего Витгенштейна и его кембриджских последователей к философии обыденного языка.

Тема чеховской «Душечки» (1899) – полное растворение заглавной героини в ее партнерах (первом муже, втором муже, третьем, невенчанном, сожителе и, наконец, оставленном на ее попечение гимназисте), оборотной стороной которого оказывается вампирическое поглощение ею их личностей (приводящее к смерти обоих мужей, отъезду сожителя и протестам мальчика). Оригинальной словесной проекцией этой темы является обыгрывание местоимения *мы*.

Сначала в рассказе вводится и укореняется лейтмотивная формула *мы с...* (*Ванечкой*, а затем *Васечкой*), сплавающая *Душечку* и ее очередного мужа в единую личность:

Вчера у нас¹ шел «Фауст наизнанку», и почти все ложи были пустые, а если бы **мы с Ванечкой** поставили какую-нибудь пошлость, то, поверьте, театр был бы битком набит. Завтра **мы с Ванечкой** ставим «Орфея в аду», приходите [Чехов 1977: 104].

Актеры любили ее и называли «**мы с Ванечкой**» и «душечкой» [там же<...>].

– **Нам с Васичкой** некогда по театрам ходить <...> Дай бог всякому жить, как **мы с Васичкой** [там же: 105].

Однако третий партнер (*Володичка*) раздраженно настаивает на эксклюзивном – исключающем ее – толковании того же местоимения:

¹ Выделения полужирным шрифтом здесь и далее мои – А. Ж.

Когда к нему приходили гости, его сослуживцы по полку, то она <...> начинала говорить о чуме на рогатом скоте, о жемчужной болезни, о городских бойнях, а он страшно конфузился и, когда уходили гости, хватал ее за руку и шипел сердито:

– Я ведь просил **тебя** не говорить о том, чего **ты** не понимаешь! Когда **мы, ветеринары**, говорим **между собой**, то, пожалуйста, не вмешивайся. Это, наконец, скучно! [там же: 108-109].

Кстати, оборот *мы с таким-то*, удачно выисканный Чеховым, – идиоматическая особенность русского языка. Поэтому, например, английский перевод бессилён передать лексически полное исчезновение индивидуального *я* в составе дорогого Душечке двуединого *мы* (по-английски можно сказать только «Ванничка/Васичка и я»²) и четкость словесного контраста между двумя *мы* – включающим и исключающим героиню.

При всей изощренности чеховской игры с *мы*, она является лишь одной из многих деталей рассказа, не становясь его главным повествовательным приемом³. Заслуга такого новаторского шага принадлежит, по-видимому, Горькому, в том же 1899 году опубликовавшему рассказ «Двадцать шесть и одна. Поэма», целиком выдержанный в 1-м л. мн. ч. Повествование ведется от имени 26 работников пекарни, влюбленных в юную Таню, которую они обожают коллективно и безнадежно, без каких-либо личных притязаний⁴, а потому на пари подставляют

² Ср.: «**But if Vanechka and I**» <...> The actors loved her and called “**Vanechka-and-I**” <...> “God grant everyone else live like **Vasechka and I!**”» [Снекнов 1969: 360, 363]. При переводе вообще возникают причудливые ситуации. Так, американские первокурсники, изучающие русскую новеллу в переводе, долго гадают над сексуальной ориентацией персонажей «Без черемухи» Пантелеймона Романова (1927). В русском оригинале пол рассказчицы и его соблазнитель очевиден с первых строк благодаря роду глаголов и местоимения *он*:

Нынешняя весна такая пышная, какой, кажется, еще никогда не было. А мне грустно, милая Веруша. Грустно, больно, точно я что-то единственное в жизни **сделаала** совсем не так <...>

Я буду мужественна и расскажу тебе все. Недавно я **познакомилась** с одним **товарищем** с другого факультета. **Я** далека от всяких сентиментов, как **он** любит говорить [Романов 1990: 311-312].

Но в английском переводе это пропадает, и студенты готовы видеть тут ранний образец «голубой» прозы. Приходится разочаровывать.

³ Правда, последовательное повествование от лица «мы» было применено Чеховым уже в рассказе «Злоумышленники» (1887), но без конфликта между грамматической множественностью коллективного субъекта и его сюжетной единичностью (скажем, в качестве участника любовной коллизии). О *Wir-Erzählung* в этом рассказе см. Безродный [1996: 84-87].

⁴ Словесных попыток объяснения в любви они не делают, так что никаких вариаций на тему *Я/мы тебя/Вас люблю/любим* в тексте нет. Любопытным, по-фрейдистски символическим эквивалентом сексуального посягательства на Таню является сцена одарения ее кренделями:

Мы бросались открыть ей дверь <...> и – вот **она**, – веселая такая, милая, – входит к нам, подставляя свой передник <...> Длинная и толстая коса каштановых волос

местному донжуану, проиграв же, грубо оскорбляют (в финальной сцене, символически реализующей, наконец, мотив группового изнасилования, подспудно заданный заглавием рассказа). Точка зрения *мы* сохраняется от начала до конца повествования:

Нас было двадцать шесть человек – двадцать шесть живых машин, запертых в сыром подвале, где **мы** с утра до вечера месили тесто, делая крендели и сушки» (начало, Горький [1950: 279]).

Мы окружили **ее** и злорадно, без удержу, ругали **ее** похабными словами, говорили **ей** бесстыдные вещи <...> **А мы**, окружив **ее**, мстили **ей**, ибо **она** ограбила **нас**. **Она** принадлежала **нам**, **мы** на **нее** расходовали **наше** лучшее, и хотя это лучшее – крохи нищих, но **нас** – двадцать шесть, **она** – **одна**, и поэтому нет **ей** муки от **нас**, достойной вины **ее**! <...> **Мы** смеялись, ревели, рычали <...> **Кто-то из нас** дернул Таню за рукав кофты <...> Вдруг глаза **ее** сверкнули; **она** не торопясь подняла руки к голове и, поправляя волосы, громко, но спокойно сказала прямо в лицо **нам**:

– Ах **вы**, арестанты несчастные!...

И **она** пошла прямо на **нас**, так просто пошла, как будто **нас** и не было перед **ней**, точно **мы** не преграждали ей дороги. Поэтому **никого из нас** действительно не оказалось на **ее** пути. А выйдя из **нашего** круга, **она**, не оборачиваясь к **нам**, так же громко, гордо и презрительно еще сказала:

– Ах **вы**, сво-олочь... га-ады...

И – ушла, прямая, красивая, гордая.

Мы же остались среди двора, в грязи, под дождем и серым небом без солнца. Потом и **мы** молча ушли в свою сырую каменную яму. Как раньше – солнце никогда не заглядывало к **нам** в окна, и Таня не приходила больше никогда!...» (конец [там же: 292-293]).

Как всегда, предупреждение не было услышано. Рассказ появился более или менее одновременно с основанием РСДРП, учредительный I съезд которой состоялся в 1898 году. А вскоре последовали призывы Хлебникова к мыканию и тыканью («Мы желаем звездам тыкать...», 1910; «Воззвание Председателей Земного Шара», 1917), соответственные формы обращения у Маяковского («Эй, Большая Медведица! требуй,/ чтоб на небо нас взяли живьем» [«Наш марш», 1917]; «Мы идем», 1918), попытки Блока подстроиться к такому мыканию в «Скифах» (1918) и, наконец, деконструкция этой губительной местоименной практики в «Мы» Замятина (рукоп. 1920-1921; англ. перев. опубл. 1924; рус. изд. 1952, Нью-Йорк; рус. изд. 1988, Москва). Но это – отдельная тема.

<...> лежит на **груди ее**. **Мы**, грязные, темные, уродливые люди, смотрим на **нее** снизу вверх, – порог двери выше пола на четыре ступеньки <...> У **нас** в разговоре с **ней** и голоса мягче и шутки легче. У **нас** для **нее** – все особое. Пекарь вынимает из печи лопату **кренделей** самых поджаристых и румяных и ловко сбрасывает их в **передник** Тани [Горький 1950: 282].

Литература

БЕЗРОДНЫЙ 1996 - Михаил Безродный, *Конец Цитаты*, СПб.

ГОРЬКИЙ 1950 - М. Горький, *Собрание сочинений в тридцати томах*, т. 4, М.

РОМАНОВ 1990 - Пантелеймон Романов, *Без черемухи. Повесть. Рассказы*. Сост. С. С. Никоненко, М.

ЧЕХОВ 1977 - А. П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения*, т. 10, М.

ЯКОБСОН 1983 - Роман Яacobсон, "Поэзия грамматики и грамматика поэзии", в изд. *Семиотика*. Сост. и ред. Ю. С. Степанова, М., 462-482.

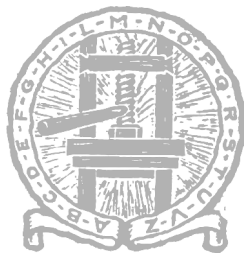
СНЕКHOV 1969 - Anton Chekhov, "The Darling", в изд. Carl Proffer (ed.), *From Karamzin to Bunin. An Anthology of Russian Short Stories*. Transl. Carl Proffer, Bloomington, London.

INDICE I VOLUME

<i>Premessa</i>	pag. 5
A. A. АЛЕКСЕЕВ, Майская память Кирилла и Мефодия	» 7
FLORENTINA BADALANOVA GELLER, <i>Gynesis in Genesis</i>	» 17
SERGIO BERTOLISSI, <i>La Carta del popolo russo del 1801: idee e realtà nella Russia del XIX secolo</i>	» 49
IVAN BILIARSKY, <i>La ville, les heros et l'Univers</i>	» 63
УЛАА БИРГЕГОРД, Эмбрион универсального алфавита славянских языков	» 77
ANDRZEJ BOGUSŁAWSKI, <i>A note on glottogony</i>	» 101
MARIA CRISTINA BRAGONE, <i>La traduzione di J. W. Paus di De civilitate morum puerilium di Erasmo da Rotterdam</i>	» 111
A. В. ЧЕРНЕЦОВ, Волшебный камень.	» 125
RICCARDO CONTINI, <i>Bibbia e storiografia nel Medioevo siriano</i>	» 133
CESARE G. DE MICHELIS, <i>Il'ja Èrenburg e la trahison des clercs</i>	» 151
AMEDEO DI FRANCESCO, <i>La semantica della ricerca dell'anima. Per una lettura di Limpopo di Géza Szöcs</i>	» 163
FRANÇOIS ESVAN, <i>Notes sur l'usage de l'aspect verbal dans les subordinées temporelles au passé en tchèque</i>	» 179
РЕМО ФАССАНИ, <i>Il testo novgorodiano su corteccia di betulla № 496: un documento giudiziario?</i>	» 193
АДАМ ФАЛОВСКИ, <i>О трех забытых рукописных памятниках восточнославянской лексикографии XVIII века</i>	» 199
ITALO COSTANTE FORTINO, <i>Atlante dialettologico della lingua albanese</i>	» 209
STEFANO GARZONIO, <i>L' Orfeo di Jakov Knjažnin</i>	» 227
РИТА ДЖУЛИАНИ - КЪЯРА ДИ МЕО, <i>Отражение римского мифа в русской архитектуре XVIII века</i>	» 237
ТАТИАНА ЛЕКОВА, <i>On the origin of the southern Slav title Župan</i>	» 257
A. М. ЛИДОВ, <i>Икона-Завеса. Образ-парадигма как новое понятие истории культуры</i>	» 265
МИХАИЛ ЛОТМАН, <i>К вопросу о первых гексаметрах Пушкина</i>	» 277
<i>Immagini</i>	» 289
<i>Indici</i>	» 307

INDICE II VOLUME

LUIGI MAGAROTTO, Potere statale e potere religioso nel <i>Boris Godunov</i> di Aleksandr Puškin.	pag. 7
СВЕТЛАНА МЕНГЕЛЬ, Неизвестный вариант русского литературного языка доломоносовского периода.	» 43
PINA NAPOLITANO, Marina Cvetaeva: the Rilkean Cycle.	» 69
А. В. НАЗАРЕНКО, К спорам о происхождении названия Киева, или о важности источниковедения для этимологии.	» 85
С. Ю. НЕКЛЮДОВ, Духи и нелюди в недружелюбном мире (о некоторых стратегиях конструирования мифологического образа)	» 101
Н. Н. ПОКРОВСКИЙ, Алтайский список окружной грамоты о канонизации русских святых.	» 121
Константин Поливанов, О «ветхой одежде» Плюшкина.	» 131
ФЕДОР ПОЛЯКОВ, Время и история в сакральном предании раннесоветской эпохи: некоторые литературные свидетельства	» 135
ADRIANO V. ROSSI, Problemi di origini, in onore di Boris Andreevič	» 147
Р. САЛЬВАТОРЕ, Об истоках образности в стихотворении Б. Пастернака «Цельною льдиной из дымности вынут...».	» 155
С. Ю. ТЕМЧИН, Сын двух отцов: киевский князь Святополк Окаянный как второй Каин.	» 177
С. М. ТОЛСТАЯ, Чистая правда: к семантической реконструкции слав. *čist-.	» 187
VITTORIO SPRINGFIELD TOMELLERI, I quattro sensi della Scrittura in Russia.	» 199
А. А. ТОПОРКОВ, «В начале было Слово...»: между религией и магией.	» 219
SILVIA TOSCANO, Il 'secretum' del <i>Secretum Secretorum</i> antico-russo	» 231
Уильям ФЕДЕР, Евагрий Понтийский о молитве. К вопросу о глаголице на Руси.	» 243
Н. ЗАПОЛЬСКАЯ, Неизвестная грамматика церковнославянского языка XVII века.	» 267
А. К. ЖОЛКОВСКИЙ, Чехов, Горький и «Мы». Из опыта преподавания русской прозы	» 283
Н. Д. ЗОЛЬНИКОВА, Споры староверов о крестном знамении: традиция в XXI в.	» 287
<i>Indici</i>	» 297

*Finito di stampare
nel mese di Febbraio
dell'anno 2010
nell'officina tipografica
della M.d'Auria Editore
Palazzo Pignatelli - Napoli*

Linguista, filologo e semiologo di fama mondiale, Boris Uspenskij è erede della grande tradizione culturale russa del Novecento. Il suo iniziale interesse per la tipologia strutturale delle lingue, formatosi all'università di Mosca, si è gradualmente evoluto in prospettiva semiotica, anche grazie agli stretti rapporti di amicizia e collaborazione con personalità del calibro di Roman Jakobson, Michail Bachtin, Petr Bogatyrev, Lev Žegin. Particolarmente fecondo è stato il sodalizio con Jurij Lotman nell'ambito della cosiddetta scuola di Tartu-Mosca, che diede vita a una semiotica della cultura basata su principi linguistici. In questa prospettiva, gli interessi scientifici di Boris Uspenskij si sono estesi ai campi più diversi, spaziando dall'arte, alla letteratura, alla mitologia, alla slavistica, alla semiotica della storia. In particolare, lo studioso ha posto al centro delle sue ricerche il riconoscimento della lingua come sistema modellizzante primario della cultura, approfondendo l'isomorfismo esistente tra arti verbali e visuali; al contempo, ha continuato gli studi di linguistica generale e slava, dedicandosi soprattutto alla storia della lingua letteraria russa. Attualmente Boris Uspenskij si occupa di semiotica della comunicazione, con particolare riferimento al fenomeno della deissi, per il quale ha rintracciato illuminanti paralleli nelle modalità di interazione tra diversi punti di vista, proprie delle arti figurative.

Dopo aver insegnato presso gli atenei di Vienna e Graz, in Austria, e presso le università di Harvard e Cornell, negli U.S.A., Boris Uspenskij ha svolto a lungo la sua attività didattica presso l'Università degli Studi di Napoli "L'Orientale".

IN COPERTINA:

K. S. Malevič,
Quadrato Rosso,
olio su tela,
1915,
cm 53 x 53

ISBN: 978-88-7092-303-2